

Я кивнул, наблюдая, как машина её брата уезжает, вздохнул и повернулся к старому общежитию коридорного типа, размышляя о словах Линь Я — сейчас увидеть Сун Чэня стало сложно, и в будущем это будет ещё труднее. Если ничего не получится, придётся отступить и искать другие пути позже...

Едва я постучал в дверь несколько раз, Сун Чэн открыл её, одетый в светло-голубой свитер. Увидев меня, он удивился и сразу крепко обнял. Я оказался в его объятиях, ещё не успев осознать происходящее. Его объятие было мягким и тёплым, словно всё тепло зимы сосредоточилось в его груди. Все мои переживания о том, как его успокоить и как сформулировать возможное расставание, мгновенно исчезли. Я услышал его заботливый голос:

— Цзюньян, тебе было тяжело эти дни?

Я вздрогнул и схватился за подол его свитера.

Раньше я не придавал этому значения, но его мягкий тон словно опустил моё заледеневшее сердце в кипяток, вызвав острую боль, которая пробежала по всему телу. Это было похоже на конфету с горькой начинкой, которую я уже привык глотать, но вдруг почувствовал сладость, вспомнив, как мне было тяжело. Слезы, которые я забыл, неожиданно нахлынули.

Оказалось, все мои опасения были смешными. Сун Чэн даже не сердился на меня. Он беспокоился, не случилось ли чего в моей семье, было ли мне тяжело эти дни — хотя на улице была зима, мне казалось, что моё сердце коснулся мягкий весенний ветер, и я дрожал от этой нежности. Слезы, которые я забыл, внезапно хлынули.

Сун Чэн с тревогой взял моё лицо в руки, спрашивая, что случилось. Видя, что я просто плачу, он нежно поцеловал мои слёзы.

«Если ты влюбишься в него, я не знаю, что делать». Слова Линь Я звучали в моей голове. Я взял руку Сун Чэна, глядя в его прекрасные, полные заботы глаза, и с дрожью в голосе сказал:

— Ничего, всё в порядке... Я просто... просто...

— ...не знаю, что делать.

— У твоего брата ухудшилось состояние? — Сун Чэн усадил меня на диван, быстро принёс горячее полотенце и стакан воды. Хотя это был вопрос, его тон звучал уверенно. — Всё будет хорошо.

Я взял полотенце и вытер слёзы, слегка озадаченный его словами. Хотя это было не то, что я хотел сказать, но это звучало логично, и я решил не возражать, чтобы не вызвать подозрений.

— Надеюсь на это. Сун Чэн, я не хотел плакать, просто, когда услышал твой голос, не смог сдержаться...

Надеюсь, что в глазах Сун Чэна я не выгляжу плаксой, с сожалением подумал я. Образ сильного Цзюньяня, вероятно, разрушен.

— Ничего страшного, — он успокаивающе сказал, как будто разговаривал с ребёнком. — Какие бы трудности ни были, мы пройдем через них вместе, хорошо?

— Я... — я смотрел на его заботливое выражение лица, несколько раз пытался заговорить о расставании, но слова не шли. Вместо этого я сменил тему. — Прости, что оставил тебя одного

в канун Нового года.

Сун Чэн покачал головой:

— Не переживай, всё в порядке. Я уже привык.

Я не знал, к чему он привык — к тому, что его бросают, или к тому, что он один на Новый год. В любом случае, это вызвало во мне чувство вины. Моё горло всё ещё болело, но после глотка воды стало легче. Я держал стакан, думая о подходящем предлоге, и, опустив голову, сказал:

— В будущем я, возможно, не смогу часто приходить.

— Сколько денег нужно на лечение твоего брата?

Сун Чэн вдруг спросил, и я замер, не зная, какую сумму назвать. В итоге я выпалил цифру, которую он вряд ли смог бы потянуть:

— ...как минимум миллион.

Он нахмурился, но ничего не сказал, словно борясь с внутренними сомнениями. Я предположил, что он хотел помочь, но теперь, поняв, что это слишком большая сумма, не решался отказать. Я поспешно добавил:

— Ничего, я уже подал заявку на дополнительные смены, и если работать на нескольких работах, то скоро смогу собрать нужную сумму.

— Ты один работаешь официантом, как сможешь собрать миллион? — он без колебаний сказал.
— У меня есть немного денег, возьми их. Остальное я постараюсь найти.

— Я не могу взять твои деньги, у меня есть свои, пока я справляюсь.

Шутка ли, взять все деньги Сун Чэна ради лжи? У меня ведь есть совесть. К тому же, как говорил старина Ло, это его кровные деньги, заработанные тяжёлым трудом. Даже если бы у меня действительно был больной брат, я бы не взял их. Я отчаянно махал руками, отказываясь, но Сун Чэн крепко схватил моё запястье и твёрдо сказал:

— Цзюньянь, слушай, деньги — это мелочь...

Он вдруг замолчал, и я не понял, что произошло. Опустив взгляд, я увидел, что его движение задело мой рукав, и на предплечье обнажился след от укуса. Этот укус оставил Ян Чэнь вчера в постели, когда он словно обезумел, оставляя следы по всему телу. Рядом с укусом были и другие следы поцелуев, что делало всё ещё более двусмысленным.

Мой мозг взорвался, я пытался что-то сказать в своё оправдание, но слова не шли. В голове была только одна мысль — он всё понял, всё кончено, кончено, кончено!

Лицо Сун Чэна стало мрачным. Он держал мою руку, смотрел на меня и медленно произнёс:

— Цзюньянь, это твоя подработка?

Его тон не был агрессивным, но сейчас он казался опасным. Я почувствовал себя как в юности перед разъярённым Ян Чэнем и невольно съёжился. Я попытался вырвать руку, но Сун Чэн, казалось, не прилагал усилий, его пальцы словно прилипли к моему предплечью, и я не мог их сбросить. Я не решался делать резких движений и, наконец, нашёл в себе силы тихо сказать:

— Нет, ты неправильно понял...

Сун Чэн резко отпустил мою руку, и я, словно на иголках, наблюдал, как он встал, закрывая собой солнечный свет и бросая тень на меня. Он наклонился ко мне и чётко произнёс:

— Сними куртку.

Я сглотнул. Даже вчера, когда Ян Чэнь был как бешеный пёс, я не боялся так сильно, потому что знал, что, хотя я не могу с ним справиться, он не причинит мне настоящего вреда. Но сейчас, перед Сун Чэнем, я чувствовал себя как перед старым господином Сюй с улыбкой на лице — никогда не знаешь, когда он может схватить трость и ударить.

Нужно сделать так, как он говорит, иначе случится что-то ужасное!

Инстинктивно я почувствовал это, и мои пальцы дрожали, когда я начал расстёгивать молнию на куртке. Но Сун Чэн лишь говорил медленнее, чем обычно, и даже не добавил угрозы в свой голос, словно просто отдал приказ.

— Расстегни рубашку, дай посмотреть, — рука Сун Чэна легла на моё плечо, и его тепло передалось мне через ткань, заставив меня вздрогнуть. Его тон был скорее мягким, но с оттенком строгости, как будто он уговаривал ребёнка или дрессировал собаку. — Цзюньянь, слушайся.

Я механически расстегнул пуговицы на рубашке, обнажив шею, покрытую следами поцелуев. Я с отчаянием подумал, что, раз он всё понял, всё кончено. Пусть лучше он меня побьёт, и тогда всё окончательно закончится. Эта мысль заставила меня опустить рубашку ещё ниже, чтобы он увидел ещё более ужасные следы укусов на ключице.

Он расстегнул оставшиеся пуговицы, и он увидел синяки на моей талии. Я положил руку на пояс, но Сун Чэн не стал продолжать, а вместо этого застегнул рубашку и поднял молнию на куртке.

— Ты продал себя? И покупатель — мужчина, — он присел передо мной, заставляя меня смотреть ему в глаза. Мои слёзы уже высохли, и я мог только сухо смотреть на него, не в силах выдавить ни одной слезинки. Он спокойно произнёс острые слова. — За сколько ты продал себя?

Если считать, что я продал себя Ян Чэню, то это было за право жить вместе и возможность выйти из семьи Сюй. Сколько это стоит? Глядя в его всё ещё мягкие глаза, я не мог ответить. Это было ничего не стоящее.

Сун Чэн вдруг вздохнул:

— Цзюньянь, ты только вчера узнал о болезни брата, а уже продал себя. Могу ли я предположить, что кто-то тебя уговаривал и уже давно предлагал это, а ты только вчера согласился?

...Что? Я моргнул, почувствовав, что ситуация не так уж плоха. Я уже готовился получить пару пощёчин, но Сун Чэн, похоже, совсем не злился, а продолжал говорить размеренно.